

Николай Наливайко

Поэт, член СП России. Родился в Киеве в 1945 году. Воспитывался в семье инженеров. Закончил ЛИИЖТ. Мастер спорта, серебряный призер чемпионата СССР. Был членом сборной страны. Долгие годы работал тренером. Со школьных лет увлекался литературой, во время учебы в вузе посещал лекции по филологии и эстетике в ЛГУ, занятия ЛИТО Выборгского района под руководством Бориса Сергуненкова. Стихотворения печатались в альманахах и журналах: «Петербургские строфы», «Изящная словесность», «Северные цветы», «Ладoga», «Сфинкс» и др., а также в коллективных сборниках. Автор девяти книг стихов, составитель сборника «Спорт — это жизнь». Живет и работает в Петербурге.

Учитель истории

Жили мы в Киеве, но школа у нас была русскоязычная. Украинский язык и литература шли отдельными предметами, и преподавала их нам учительница Ангелина Ивановна. Она же преподавала и русский язык. Необыкновенно красивая, но полная, можно сказать, крепкая женщина. Она была у нас классным руководителем. Очень строгая...

Жили мы на окраине города. Вблизи было несколько сел, и в каждом селе говорили на своем наречии. Это передавалось и нам. Ангелина Ивановна заставляла нас правильно говорить и по-русски, и по-украински.

Но главным и любимым педагогом в школе являлся учитель истории Петр Степанович Ружицкий. Он все время проводил на занятиях, а домой ходил только переночевать. Жил одиноко. Хотя говорили, что есть у него жена и взрослые дети, только мы их ни разу не видели. Он был высок, представительен, сед. Лицо иногда от волнения вдруг становилось красным. Говорили, что у него давление и больное сердце. Иногда прямо в школе случались приступы. Несколько раз даже вызывали

«Скорую». Но все, к счастью, обходилось, и он сразу после приступа шел на уроки. Петр Степанович был давно на пенсии, а в школе казался незаменимым. Кроме истории, вел уроки рисования, труда и пения. Историю он преподавал на русском, а на рисовании, пении и труде говорил по-украински. И так его интеллигентная украинская речь звучала свободно, так приближала его к нам, что казалась действительно родной. Еще он заведовал библиотекой. В определенные часы сидел в маленькой библиотечной комнате за откидным прилавком, подбирал и выдавал книжки. Обращал внимание на произведения украинских авторов. Благодаря ему и Ангелине Ивановне я помню многих украинских писателей: Котляревского, Шевченко, Мирного, Франко... Из более современных — Михайла Стельмаха, Павло Тычину с его «майданом», несомненным прообразом нынешнего пресловутого майдана, и еще многих. А Лесю Украинку полюбил с детства, увидев в театре ее «Лесную песню». Для меня и сейчас она в ряду любимых мировых и русских поэтесс...

Петр Степанович преподавал всю историю: от древнего мира, до нашего времени. Он придерживался школьной программы и, естественно, уделял внимание наиболее главным периодам истории человечества. Но на отдельные страницы, будь то жизнь древних греков или рыцарей средневековья, или даже подвиги советских героев, он смотрел по-особому. Они ему являлись в мифах, былинах, песнях... Так он их и пересказывал нам, и мы, замирая, слушали его повествования о двенадцати подвигах Геракла. Подвиги Геракла он называл трудами, потому что это были не подвиги, а покаяние. Во искупление грехов ему и было назначено совершить эти труды. Причем два труда не зачли. Очистку Авгиевых конюшен, к примеру, он совершил по заказу, и за это ему заплатили, что было неприемлемо. Вот такие подробности сообщал нам Петр Степанович. От него мы узнали о любовном напитке, испытном случайно Тристаном и Изольдой, и о том, как из этого получился целый рыцарский роман с печальным концом, на много веков предвосхитивший повесть о Ромео и Джульетте. «Песнь о Роланде» он считал одной из главных героических и патриотических поэм того времени. А в сравнении с «Нибелунгами» «Слово о полку Игореве», на его взгляд, было гораздо содержательней и поэтичней. Образ Ярославны с ее «плачем» остался на всю жизнь в памяти. Знакомая нас со средневековым эпосом, Петр Степанович стимулировал желание самим узнать первоисточники. Конечно, прочесть такое гигантское творение, как «Песнь о Нибелунгах», нам, школьникам, не хватало никакого терпения. Мне было достаточно начала и конца, чтобы запомнить одно: как герои этого древнего сказания легко, а зачастую и коварно расправлялись со своими противниками. Заканчивается поэма уничтожением целого бо-

жественного народа Нибелунгов, и даже главную героиню в конце убивают, разрубив пополам! Наше «Слово» в сравнение с этим — просто человеколюбивое и добродетельное произведение.

Из современных событий Петр Степанович с восторгом вспоминал полет Гагарина. Он рассказывал о необычайной радости, которая в тот день охватила всех. Это был неожиданный и настоящий всенародный праздник.

Тристаны, Нибелунги, Роланды и прочие — это, конечно, интересно и важно, за них Петру Степановичу отдельное спасибо, но мне и всем нам он больше запомнился другим...

В нашем классе учился паренек Саша Проминь. Красивая фамилия, в переводе с украинского означает «луч». Но главное то, что он был Александром Сергеевичем, к тому же необыкновенно курчав и в самом деле походил на Пушкина. Голос имел звонкий, блестяще читал стихи. Петр Степанович его выделял из всех. Относился с явной симпатией. Может быть, из-за Саши ему и пришло в голову поставить силами учеников «Сказку о царе Салтане». Не всю, а фрагмент — приезд царя Салтана на остров Буян. Подготовка и участие в этой пушкинской сказке стали для нас всех самым ярким школьным событием, запомнившимся на всю жизнь. Все ученики, от младших классов до старших, были охвачены приготовлениями к спектаклю: изготовлением декораций, костюмов. Одним только богатырям требовалось тридцать три комплекта доспехов. Шлемы, щиты, кольчуги, копья... Экипировку делали из картона и покрывали серебряной краской. Все как положено. Богатырями стали учащиеся средних классов, в том числе и я. Все реквизиты к спектаклю создавались на уроках труда, рисования и пения.

Идея Петра Степановича захватила и других учителей. Но особенно ему помогала Ангелина Ивановна. Она очень строго следила за нашей работой, чтобы мы не волюнили и не халтурили. Обычно ходила с длинной указкой, которую однажды сломала о спину Митьки Труфанова. Ничего ей за это не было, а родители только радовались такому вниманию к их чаду. Ангелину Ивановну мы побаивались, но уважали. Мы старались выправлять то, за что она нас ругала, и добивались ее похвалы. Но она, если и хвалила кого-то, то в пример другим. Можно сказать, устраивала соревнование.

А Петр Степанович никогда никого не ругал. Спокойно подправлял наши рисунки и поделки. Только посмеивался, если у кого-то вместо людей получались черти. Больше всего он любил хвалить, возвышая нас в собственных глазах.

Некоторые мамы по рисункам Петра Степановича шили наряды княгиням, боярам, слугам. Царю Салтану изготовили шикарный халат с

блестками и мехом, а на голову — корону. Один папаша принес бруски и планки, и вместе с Петром Степановичем они сколотили остовы для стен дворцов, для куполов и внутренних хором. Затем Петр Степанович вырезал и прикрепил к ним листы картона, раскрашенные афишной гуашью. Получилось необыкновенно красиво!

На втором этаже школы был большой зал со сценою. Там на школьных сборах могли поместиться ученики всех классов. Возвышение сцены стало островом Буяном, где и расставили крепостные стены и силуэты дворцов. Получилась иллюзия настоящего города.

Перед сценой внизу изобразили обрывистый берег и несколько высоких синих волн с белыми гребешками, из которых должны были явиться мы, богатыри. А с боковой стороны сцены, из коридора, выплывет ладья Салтана. Ладья тоже получилась вместительной и роскошной, одним словом — царской.

За нашими приготовлениями настороженно наблюдал директор школы Василь Петрович. Человек он был тоже пожилой, но боязливый. Он до сих пор находился во власти некоторых стереотипов. С опаской поглядывал на купола с крестами и больше всего боялся получить какой-нибудь нагоняй из отдела народного образования. Но Ангелина Ивановна и на него имела волевое влияние, и успокаивала, а он ее слушался.

Наконец настал день премьеры — представление. В зале расставили скамейки. На них расселись ученики школы, которые не участвовали, родители, учителя. Василь Петрович сидел в первом ряду с начальством из РОНО.

Представление начиналось с того момента, когда князю Гвидону являлась царевна-лебедь. Авторскую партию читал звонким голосом наш Сашка. Ему приклеили бакенбарды и бороду, приделали как надо, и он стал точь-в-точь Пушкиным. Маленьким, правда, но его поставили на стул. Сашка начал:

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.

Князя Гвидона играла десятиклассница, спортсменка. Рослая широкоплечая девушка, метательница копья. Ей сшили княжеский кафтан. Надели шапочку с меховой оторочкой. Голос у нее был низковатый, с приятной хрипотцой. Она оказалась очень похожа на князя Гвидона, такого, каким мы его представляем, читая Пушкина.

После слезных откровений Гвидона о том, что пришла пора ему жениться, но жениться он может только на прекрасной царевне, Лебедь в ответ молвила:

Знай, близка судьба твоя,
Ведь царевна эта — я...

Тут свет в зале на мгновение погас и вновь зажегся. Лебедь исчезла, а вместо нее возникла прекрасная царевна со сверкающей звездой в короне и месяцем, похожим на мерцающий воротник со вздёрнутыми рогами и блиставшим под косой. Это была Таня Каминская. Позже она стала актрисой. Снимается в кино, играет в театре. Кстати, не только она одна поступила затем в театральный институт... А тогда Таня была самой красивой девушкой в школе, в которую были влюблены все мальчишки, от мала до велика. Даже первоклашки заглядывались на нее. Свой потрясающий наряд Лебеда Таня сшила себе сама.

Наконец, на своей ладье выплыл в зал и царь Салтан, роль которого исполняла другая старшеклассница. Рядом с Салтаном сидели «ткачиха с поварихой, с сватьей бабой Бабарихой». Петр Степанович подобрал таких девиц, которых и учить особенно не надо было придавать лицам кислое выражение. Царь Салтан, наоборот, был само восхищение. Когда белочка с золотыми орешками спела ему: «Во саду ли в огороде», — он восторженно захолопал. Потом вышли мы, богатыри, и встали в два ряда. Царь отсалютовал нам, распрямылся и приложил ладонь к шапке. Роль дядьки Черномора исполнила тоже крупная и высокая девчонка. Мальчишек Петр Степанович на основные роли не брал: у них ломались голоса, они были невысоки, да и озоровали много. Зато бояр в высоких шапках и слуг, носящих над головой подносы с яствами, играли мальчишки.

Декорации передвинули, и на сцене образовались внутренние хоромы дворца. К застолью вышла с князем Гвидоном царевна — и поразила царя. Под руку она вела свою свекровь; Салтан узнал в ней царицу, которую в свое время закатал в бочку, и горько расплакался. А ткачиха с поварихой, с сватьей бабой Бабарихой сгорбились и под неодобрительные возгласы поспешно убрались за кулисы.

На сцене в уголке сидел гусяр и делал вид, что играет, но все музыкальное сопровождение при помощи баяна вел Петр Степанович. Он очень разгорячился и раскраснелся. Волновался всерьез, хотя и зря: все прошло замечательно, представление имело большой успех. Очень довольным было начальство из РОНО. Разошлись мы не сразу, помогали разбирать декорации...

А утром мы узнали, что ночью у Петра Степановича случился сердечный приступ. «Скорая» увезла его в больницу. В больнице он умер...

Представление, которое сделал Петр Степанович, дальше имело еще больший успех, только теперь всем руководила Ангелина Ивановна. Она подобрала в музыкальной школе ансамбль балалаечников. Им подыгрывал на баяне новый учитель пения. Это струнное сопровождение добавило сказке русского колорита. Теперь мы выступали в районных и городских Домах культуры. Требовался транспорт для доставки участников и декораций. Ангелина Ивановна со всем справлялась, и все ее беспрекословно слушались. Мы дошли до республиканского конкурса художественной самодеятельности, выступали на большой сцене Жовтневого дворца в Киеве — и заняли первое место!

Все мои одноклассники и педагоги до сих пор добрым словом вспоминают Петра Степановича, а история о его театральной постановке по сей день обрастает новыми чудесными подробностями.